

18+

Дмитрий Михайлович Янаков

АДАМ ТЁМНЫЙ

Наследник

Дмитрий Янаков

Адам тёмный. Наследник

<https://litres.ru/74395532>

ISBN 9785007109499

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Меня зовут Адам Тёмный. Я вырос в городе, которого нет на картах. Дед — глава группировки. Отец — его правая рука. С детства меня учили: или ты, или тебя.

В четырнадцать лет я услышал голос Бога. В восемнадцать — увидел женщину в чёрном капюшоне. Держал город в страхе, строил бизнес, терял всё. Видел ад. В прямом смысле.

Я научился изгонять бесов. Это история о братьях, женщинах, предательстве и вере. О главном уроке: сидеть нужно на одном стуле. На том, который крепче всего.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Книга «Адам Тёмный»	8
Часть первая. Наследник	9
Глава 1. Кровь и пепел	9
Глава 2. Отмороженный	17
Глава 3. Тысяча голосов	27
Глава 4. Команда	34
Глава 5. Первая кровь команды	39
Глава 6. Наследство	46
Глава 7. Стелла	52
Глава 8. Выбор	64
Глава 9. Имя	68
Глава 10. Тихие дни	74
Глава 11. Спартанцы	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Адам тёмный Наследник

**Дмитрий
Михайлович Янаков**

© Дмитрий Михайлович Янаков, 2026

ISBN 978-5-0071-0949-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Все события, персонажи, имена и места действия являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, случайны. Эта книга — художественное произведение, рождённое воображением автора.

Пролог

Дождь стучал по крыше «девяносто девятой».

Я сидел на водительском сиденье, заглушив мотор. Было около двух ночи. Капли барабанили по стеклу, стекали вниз, размывали огни фонарей в жёлтые кляксы. Я сложил руки на руле и закрыл глаза.

Мне было восемнадцать.

Тётя научила меня молиться. Сказала: «Помолись один. Там, где тебя никто не видит. И увидишь, кто тебя видит».

Я начал читать «Отче наш». Сначала тихо, потом всё громче, всё злее. Слова выходили с паром изо рта, хотя печка ещё работала. Я чувствовал, как холод поднимается от ног к груди, как будто я сижу не в машине, а в проруби.

И тогда я почувствовал её.

Она сидела на пассажирском сиденье. Справа от меня. Женщина в чёрном капюшоне. Лица не было. Только тьма под капюшоном. От неё тянуло холодом — не уличным, не ноябрьским. Другим. Так пахнет смерть. Так пахнет то, чего не должно быть в мире живых.

— Читай, — сказала она ехидным голосом. — Давай, читай молитву среди своих.

Я открыл рот. Слова сами полились с губ.

И она закричала.

Это был не человеческий крик. Так кричит ветер в печной

трубе. Так кричит боль, которой нет названия. Крик ввинчивался в уши, в грудь, в сердце. Я чувствовал, как внутренности начинают лопаться. Как кровь закипает. Как кости трескаются. Я хотел остановиться. Хотел замолчать. Хотел просто закричать в ответ, чтобы заглушить эту боль.

И тогда я увидел Его.

Он стоял позади меня. Я не мог обернуться. Не мог увидеть лица. Но я знал: это Он. Тот, кто говорил со мной тысячью голосов, когда мне было четырнадцать. Тот, кто дважды остановил пистолет у моего виска.

Он положил руку мне на плечо. Правую руку на левое плечо.

И боль исчезла.

— Читай, — сказал Он. — Не останавливайся.

Я продолжил.

Женщина в капюшоне ещё кричала. Но её крик стал далёким, тусклым. Эхо. Тень звука. Комар за оконным стеклом.

Я закончил молитву. Открыл глаза. В машине было пусто.

Только дождь. Только ночь. Только я.

Но я знал: это было реально. Реальнее, чем всё, что я видел раньше. Реальнее, чем драки, чем деньги, чем страх. Он был здесь. Он коснулся меня. И с того дня я знал: Он есть.

Меня зовут Адам Тёмный.

Книга «Адам Тёмный»

Часть первая. Наследник

Глава 1. Кровь и пепел

Город, в котором я родился, не было на картах. Не потому что его прятали, а потому что он сам не хотел, чтобы его находили. Он вгрызался в землю, как старый пёс в кость, и дышал дымом заводских труб. Зимой здесь пахло углём, летом — пылью и разогретым асфальтом. А в межсезонье, когда туман сползал с сопок, улицы наполнялись таким густым молоком, что люди сталкивались лбами у подъездов и ругались хриплыми голосами.

Назывался он Низовск. Говорили, что когда-то здесь был острог, и каторжники, глядя на бесконечные болота, говорили: «Это ниже некуда». Так и прилипло.

В Низовске все друг друга знали. Знали, чей сын пошёл в милицию, чья дочь — на панель, кто держит рынок, кто — общак, а кто просто сидит тихо и ждёт, когда всё кончится. Мою семью знали все.

Я был Адам Тёмный. Тогда ещё без «Тёмного» — просто Адам, сын Мясника.

Отец получил своё прозвище задолго до того, как взял в руки настоящий нож для разделки туш. Ему было семнадцать, когда впервые прозвучало это слово. Сказал кто-то из старших на сходке, глядя, как молодой, ещё безусый парень спокойно, без дрожи в руках, делает то, что от него требовалось. «Гляди, — сказал тот старик, сплюнув на пол, — мясник растёт». И слово прилипло. Оно оказалось пророческим. Позже, когда начались девяностые, отец открыл мясной цех и встал за прилавок на центральном рынке. Он разрубал свиные туши тем же движением, что и всё остальное, — резко, точно, без лишних эмоций. Я видел, как он работает. Раз — и хребет разъезжается под лезвием. Два — и огромный окорок отделяется от кости, словно сам просится наружу. В его руках топор выглядел продолжением тела.

Он был жесток. Не жесток в смысле злой, а жесток в смысле — сделанный из жести. Твёрдый, гнущийся, но не ломающийся. Если жизнь давила на него, он отвечал тем же. Нас, своих детей, он воспитывал как спартанцев. За двойку — ремень. За «нет» вместо «да» — ремень. За слёзы после драки — ремень вдвойне.

Однажды я пришёл домой с разбитой губой. Мне было девять. Во дворе старшие пацаны отобрали у меня деньги, которые мать дала на хлеб. Я попытался сопротивляться, но

их было трое. Я даже не плакал, просто шёл домой и размазывал кровь по подбородку.

Отец встретил меня в дверях.

— Кто?

Я назвал имена.

— Ты их побил?

— Нет. Их было трое. Они старше.

Он молча развернул меня спиной и достал ремень. Я получил десять ударов. По одному за каждый год, который я прожил, не поняв главного правила нашей семьи: или ты, или тебя.

— Если ты сдался, — сказал отец, застёгивая пряжку обратно, — то ты не мой сын. Завтра пойдёшь и побьёшь каждого по очереди. Или не возвращайся.

На следующий день я вернулся домой с разбитыми костяшками и сломанным носом. Но я побил двоих. Третий убежал. Отец посмотрел на меня, хмыкнул и бросил через плечо матери: «Налей ему чаю».

Это была его любовь. Другой я не знал.

Мой дед по отцовской линии был главой группировки. Не просто бригадиром, не просто авторитетом — именно гла-

вой. Когда он входил в помещение, люди вставали. Не из страха, хотя страх тоже был. Из уважения, замешанного на ужасе. Он держал город в кулаке, и этот кулак был волосатым, тяжёлым, с золотой печаткой на мизинце. Его боялись менты, его уважали воры, его ненавидели конкуренты. Конкуренты исчезали быстро.

У деда была правая рука — мой отец. Мясник. Тот, кто исполнял. Тот, кто не задавал вопросов. Тот, кто брал на себя самое грязное, чтобы дед оставался чистым. Но грязным отец не был. Он был именно что правой рукой: без правой руки голова беспомощна. Они работали в связке, как два волка — старый и молодой. Старый думает, молодой рвёт глотку.

А ещё у отца был крёстный. Человек-легенда, человек-миф Низовска. Он возглавлял другую группировку — не бандитов, не рэкетиров, а профессиональных убийц. Киллеров. Его бригада не занималась крышеванием ларьков и не трясла коммерсов на рынке. Они делали чисто: приезжали, отрабатывали заказ, уезжали. Без свидетелей, без последствий, без трупов в реке — трупы вообще редко находили. Крёстный был тенью отца. А тень, как известно, всегда следует за человеком.

Сотрудничество двух группировок превратило Низовск в

идеальный механизм насилия. Одни контролировали территорию, другие устраняли помехи. Власть была абсолютной. И в центре этого механизма сидел мальчик, который учил молитву «Отче наш».

Моя мать была дочерью врага. Её отец, мой второй дед, носил генеральские погоны и командовал целым подразделением. Генерал-лейтенант. Человек системы, которая должна была бороться с такими, как мой первый дед. Они ненавидели друг друга заочно, а потом и лично. Их война длилась годами: аресты, подставы, ответные удары через подставных лиц. Это было противостояние двух мастодонтов, которые не могли поделить пастбище.

И в разгар этой войны мой отец украл мою мать.

Не в переносном смысле — в прямом. Она была студенткой, он — молодым бандитом с репутацией. Он увидел её на набережной, одну, в светлом платье, и что-то в его груди сломалось и собралось заново. Он подошёл. Она не испугалась — вот что удивительно. Дочь генерала, знавшая о Мяснике по рассказам отца, не отшатнулась.

Отец рассказывал эту историю только раз, когда был сильно пьян. «Она посмотрела на меня, — говорил он, глядя в стол, — и я понял, что жил до этого как скот. А она была

человеком. И я захотел стать человеком».

Он украл её ночью, вывел через окно первого этажа, посадил в машину и увёз в Низовск. Генерал бросил все силы на поиски. Дед-авторитет выставил кордоны из своих людей. Город стоял на ушах две недели. Дошло до перестрелки. Были раненые. Был убитый — один из людей генерала. Война перешла в горячую фазу.

Но мать уже была беременна мной.

Генерал сдался. Не потому что простил, а потому что дочь сказала: «Папа, я люблю его. И у меня будет ребёнок. Если ты тронешь его — ты тронешь внука». Эта фраза сломала генерала быстрее, чем любые пули. Он отступил. Но не простил. Никогда.

Мой второй дед, генерал-лейтенант, так и не признал меня до конца. Я видел его пару раз в жизни. Сухой, прямой, с седыми усами и глазами цвета стали. От него пахло одеколоном и табаком. Он смотрел на меня как на ошибку природы — не то чтобы с ненавистью, а с горьким недоумением. Как будто спрашивал: «И ради этого всё было?»

Бабушка по матери была другой. Самая обычная женщина, простая, тёплая, с руками в муке. Она приезжала раз в

год, тайком, привозила домашнее печенье и молилась, чтобы её муж не узнал. От неё я впервые услышал слово «Бог» не как ругательство. Она говорила: «Адамчик, в тебе две крови. Это страшная сила. Направь её в добро». Я не понимал тогда, о чём она. Теперь понимаю.

Но настоящей верующей в нашей семье была бабушка по отцу. Мать Мясника. Представьте себе: муж — главарь банды, сын — его правая рука с прозвищем Мясник. А она — маленькая сухая старушка, которая постилась по средам и пятницам, читала Псалтырь над нашими головами и говорила, что род Тёмных проклят до седьмого колена.

— Мы грешники, Адам, — шептала она мне, когда мы оставались вдвоём. — Твой дед грешен, твой отец грешен. И ты будешь грешен. Но если ты выучишь молитву, у тебя будет шанс. Один на миллион, но будет.

И я выучил. «Отче наш» я запомнил с первого прочтения. Она прочитала вслух, я повторил — и слова впечатались в память, как клеймо. Бабушка заплакала тогда. Я не понял почему. Понял позже.

Это было моё детство. С одной стороны — добрый мальчик, который любил собак, жалел бездомных кошек и плакал над сломанными деревьями. С другой — наследник им-

перии насилия, которую строили поколениями.

Я был мостом между двумя мирами. Генерал и бандит. Закон и беззаконие. Свет и тьма.

И тьма пока побеждала.

Когда мне стукнуло тринадцать, я уже не плакал. Вообще. Слезы кончились, как кончается вода в пересохшем колодце — не сразу, по капле, но однажды ведро уходит в пустоту и возвращается сухим. Отец выбил из меня эту способность вместе с жалостью к себе, вместе со страхом перед чужой болью. Остался только страх перед ним. Этот страх не уходил никогда.

Я дрался. Много, почти каждый день. Школа была полигоном, где я отрабатывал уроки отца. Если кто-то косо смотрел — бил. Если кто-то говорил что-то про мою семью — бил. Если просто попадался под руку в неподходящий момент — бил. Меня боялись. Меня ненавидели. Меня уважали так, как уважают дикую собаку: лучше не трогать, обойдём стороной.

А потом случилась драка, о которой я расскажу отдельно. Драка, после которой я впервые достал из отцовского сейфа пистолет. Драка, после которой заговорил Бог.

Глава 2. Отмороженный

Драка, которая всё изменила, случилась в ноябре. Я запомнил дату — четырнадцатое число, — потому что утром того дня мать сказала: «Сегодня Покров, надо бы в церковь». Отец хмыкнул, но промолчал. Он не запрещал матери верить. Он вообще ей мало что запрещал. Жену Мясник любил так, как умел — молча, угрюмо, но преданно. Она была единственным существом в мире, которое не получало от него ремня и не слышало крика.

Мне было четырнадцать. Четырнадцать лет — это возраст, когда тело уже не ребёнок, но ещё не мужчина. Руки и ноги длинные, нескладные, голос ломается, а внутренний мир горит огнём. Я тогда учился в восьмом классе. Школа наша стояла на окраине, рядом с облезлым парком и старым ДК, где раньше крутили кино, а теперь подторговывали дурью. Я туда не ходил — не из принципов, а потому что отец сказал: «Если узнаю, что ты нюхаешь или колешься, убью своими руками». И я знал: он не шутит.

В тот день я возвращался домой один. Обычно я ходил с пацанами из нашего района — мелкая шпана, которая льнула ко мне из-за фамилии. Но в тот день они куда-то разбежались, кажется, побежали в парк курить. Я шёл один через

школьный двор.

Их было трое. Одиннадцатиклассники. Здоровые, под метр восемьдесят, с щетиной на щеках и взрослыми руками, которые уже знали, что такое кастет. Главного звали Серёга Крюк. Почему Крюк — не знаю. Фамилия у него была другая, Иванов какая-то. Но прозвище прилипло. Говорили, что он любил драться арматурой, загнутой крюком, — отсюда и погоняло. Он уже имел приводы в милицию. У него был шрам через бровь, и он носил его как орден.

— Слышь, Тёмный, — окликнул он меня.

Я остановился. Сердце сразу забилося где-то в горле. Я знал Крюка. Мы не пересекались раньше, но слышали друг о друге. Он был из другого района, враждебного нашему. И он был старше, больше, сильнее.

— Чё тебе?

— Говорят, ты тут самый крутой. Сын Мясника, да?

Я молчал. Крюк подошёл ближе. Двое других встали за моей спиной. Классика. Они, видимо, караулили меня весь день. Или им просто повезло.

— Слышь, — сказал Крюк и положил руку мне на плечо, — скажи папе, что наш район — не его район. А ты тут никто. Понял?

Мне надо было что-то ответить. Огрызнуться. Ударить первым, как учил отец. Но я замер. Страх сковал тело. Я смотрел на его шрам, на его гнилые зубы, на его пальцы с обломанными ногтями и не мог пошевелиться.

— Ты чё, глухой? — Крюк толкнул меня в грудь.

И драка началась.

Точнее, это была не драка. Меня просто били. Я пытался отвечать, махал руками, но их было трое, и они умели это делать. Крюк ударил меня под дых, и я сложился пополам. Второй, тот что справа, добавил по затылку. Третий пнул по рёбрам. Я упал в грязь. Ноябрьский снег, мокрый и тяжёлый, сразу набился в рот, в нос, в уши. Они пинали меня ещё минуту. Потом Крюк наклонился и сказал:

— Лежи, щенок. И передай папочке привет.

Они ушли. А я остался лежать на мёрзлой земле. Рёбра болели. Губа была разбита. Один глаз заплывал. Но страшнее боли был ужас. Ужас не перед ними — перед отцом.

Как я пойду домой? Что я ему скажу? «Меня побили»? Он же убьёт меня. В буквальном смысле — возьмёт ремень, или, что хуже, тот самый провод от кипятильника, которым он порол меня за особо серьёзные проступки, и будет бить до крови. А потом скажет: «Иди и убей их». И мне придётся идти.

Я встал. Холод уже проникал под куртку. Я отряхнулся кое-как и побрёл домой.

Но домой я не пошёл.

Ноги сами принесли меня к нашему подъезду. Я открыл дверь своим ключом. В квартире никого не было: мать ещё на работе, отец на рынке. Я зашёл в комнату родителей.

Сейф стоял в углу, за шкафом. Я знал код: отец не скрывал его от семьи, потому что не верил, что кто-то посмеет открыть. Я набрал четыре цифры — год рождения деда. Дверца щёлкнула и открылась.

Внутри лежали деньги, какие-то бумаги, старая фотография матери, которую отец носил во внутреннем кармане, пока не положил сюда, и пистолет.

Макаров. Тяжёлый, чёрный, холодный. Я взял его в руки впервые в жизни. Он оказался тяжелее, чем я думал. Металл обжёг ладони холодом. Я проверил обойму — полная. Дослал патрон в патронник, как учил отец. Руки дрожали, но движения были чёткими. Память тела. Отец показывал мне, как обращаться с оружием, с десяти лет. «Ты должен уметь», — говорил он. И я умел.

Я сел на пол. Прислонился спиной к холодной батарее. Поднёс пистолет к виску.

Мир сузился до маленькой чёрной точки на конце ствола. Я не думал о Боге. Не думал о матери. Не думал о том, что будет потом. Я думал только о том, что сейчас всё кончится, и мне больше не придётся бояться. Не придётся драться. Не придётся доказывать, что я достоин этой фамилии. Я просто исчезну. И отец наконец поймёт, до чего он меня довёл.

Я нажал на спуск.

Осечка.

Тихий металлический щелчок. И тишина.

Я опустил пистолет, посмотрел на него с недоумением. Вытащил обойму. Патрон застрял. Я выковырял его трясу-

щимися пальцами, вставил обойму обратно, снова дослал патрон.

Приставил к виску. Выдохнул. Нажал.

Осечка.

Второй раз.

Теперь тишина была оглушительной. Я сидел на полу, смотрел на этот проклятый пистолет, и холод пополз по спине уже не от батареи, а откуда-то изнутри. Дважды подряд. Так не бывает. Отец всегда говорил: «Макаров не клинит. Это самый надёжный ствол». Дважды подряд — это невозможно.

Я вытащил второй застрявший патрон. Он был целый, без следов удара бойка. Как будто что-то просто не дало механизму сработать.

Я вставил обойму обратно. Дослал третий патрон.

И тогда я услышал Голос.

Он шёл не снаружи. Не из комнаты. Не из головы даже. Он шёл изнутри, из самого центра груди, оттуда, где бьётся

сердце. Но он звучал громче, чем любой внешний звук, который я когда-либо слышал. Как будто тысяча голосов слились в один и заговорили одновременно. Старые и молодые, мужские и женские, грозные и тихие — все они звучали разом, но при этом я различал каждый оттенок, каждую интонацию.

— Нажимай.

Я замер. Палец лежал на спусковом крючке, но не мог пошевелиться. Тело больше не слушалось меня. Я был парализован — но не страхом, а силой этого Голоса.

— Я уже дважды тебя остановил. Третий будет твоим последним. Нажимай, если хочешь.

Тысяча голосов в одном. Тишина звенела в ушах. Я сидел на полу, с пистолетом у виска, и не мог нажать. Не потому что боялся смерти — смерти я как раз не боялся. Я боялся того, кто говорил со мной. Потому что в этом Голосе не было ни угрозы, ни утешения, ни гнева, ни ласки. Только констатация факта. Так говорит вода с тонущим. Так говорит огонь с горящим. Так говорит Бог.

Я опустил пистолет. Положил его на пол. И зарыдал.

Это был не плач. Это была истерика. Я рыдал так, как не рыдал с пяти лет. Из меня выходило всё: страх, боль, одиночество, годы молчания, годы ремня, годы «ты должен». Я сидел на полу, заливая кровью из разбитой губы собственные колени, и выл. Мне казалось, что я сейчас умру от этих рыданий — сердце просто не выдержит.

Потом наступило спокойствие. Не радость, не облегчение — именно спокойствие. Такое, какое бывает после грозы. Я вытер лицо, аккуратно разрядил пистолет, положил его обратно в сейф, закрыл дверцу. Патроны ссыпал в карман — потом выброшу.

И вышел из квартиры.

На улице уже темнело. Я брёл по Низовску, не разбирая дороги. Прошёл мимо рынка, где отец ещё закрывал свою точку. Прошёл мимо церкви, где утром молилась мать. Прошёл мимо школы. Мир казался другим. Краски стали ярче. Звуки острее. Я чувствовал каждый вдох морозного воздуха, каждую снежинку на щеке. Я был жив. Я был жив. Я был жив.

Я не пошёл домой. Я знал, что получу своё наказание. Знал, что отец спросит про разбитое лицо. Знал, что мне придётся врать. Я не умел врать отцу — он читал меня как

открытую книгу. Но в тот момент мне было всё равно. Самое страшное уже случилось. И самое великое тоже.

Я вернулся домой поздно вечером. Отец сидел на кухне. Увидел моё лицо. Ничего не сказал. Просто встал, взял ремень с крючка у двери и молча отходил меня так, что я неделю не мог сидеть. Я не издал ни звука. Не заплакал. Не попросил прощения. Просто терпел.

Потому что теперь я знал: Он есть. Это не бабушкины сказки. Не тёплые слова для утешения. Не ритуал, не традиция, не «так принято». Он реален, как этот ремень, как этот холод, как этот город. Он реален. И Он говорит.

С тех пор я никогда не пытался убить себя. Но я перестал бояться смерти. Я перестал бояться боли. Я дрался ещё яростнее, ещё отчаяннее, ещё безрассуднее. Я лез в самое пекло, я шёл на нож, я стоял под стволом и не отводил взгляда. И именно тогда мне дали прозвище — Отмороженный.

Думали, я псих. Думали, я люблю драться. Думали, мне нравится запах крови и хруст костей. Никто не знал правды. Правда была проста: я не боялся тех, кто стоял передо мной. Я боялся того, кто стоит за моей спиной. Я боялся отца. И этот страх, как реактивное топливо, толкал меня вперёд.

Отмороженный. Это звучало гордо. Это звучало опасно. Никто не догадывался, что на самом деле это звучало как приговор.

Глава 3. Тысяча голосов

Пистолет лежал на полу, а я сидел рядом и не мог отвести от него взгляд. Чёрный, тяжёлый, настоящий. Минуту назад он был у моего виска. Минуту назад я был готов умереть. А теперь — просто сидел на холодном линолеуме и дрожал.

Голос ещё звучал внутри. Не словами — эхом. Как будто в груди ударили в огромный колокол, и он всё гудел, гудел, гудел, затихая так медленно, что я боялся: а вдруг он замолчит навсегда? Вдруг я останусь один?

Я боялся одиночества больше, чем смерти. В четырнадцать лет я был абсолютно, космически одинок. Отец — стена. Мать — тень за стеной. Друзья — стая, которая держится рядом, пока ты силен. Бога нет, потому что какой Бог допустил бы такое детство? И вдруг — Голос. Тысяча голосов в одном. Он не обещал мне спасения, не обещал любви, не обещал ничего. Он просто сказал: «Я тебя уже дважды остановил». И в этих словах было больше заботы, чем во всём, что я слышал за четырнадцать лет.

Я положил пистолет обратно в сейф. Руки ещё дрожали, но движения были спокойными, даже торжественными. Я разрядил обойму, вытащил патроны, аккуратно сложил их в

карман. Пистолет протёр рукавом — зачем-то, просто чтобы не оставлять следов, хотя отец всё равно узнает. Он всегда всё узнаёт.

Дверца сейфа закрылась с тихим щелчком. Я вышел из родительской спальни.

В коридоре было темно. Я включил свет. Посмотрел на себя в зеркало. Из отражения глядел чужой человек. Разбитая губа распухла и посинела. Под левым глазом наливался фингал. На скуле — ссадина, из которой сочилась сукровица. Волосы всклокочены, грязные, мокрые от растаявшего снега.

Но глаза были другие. Из них ушло что-то, что жило там с самого детства. Отчаяние? Нет, не совсем. Скорее, обречённость. Я всегда знал, что умру молодым и плохо. Знал, что моя жизнь кончится либо пулей, либо ножом, либо — если повезёт — тюрьмой. Я с этим смирился в десять лет. А теперь я смотрел на себя и не понимал: кто этот парень? Зачем он жив? Почему Голос остановил его дважды?

Я вышел на улицу.

Ноябрьский вечер обнял меня холодом. Снег уже не падал — просто висел в воздухе мелкой водяной пылью. Фонари

горели жёлтым, и в их свете Низовск казался почти красивым. Почти. Красота этого города была как красота старого шрама: можно засмотреться, но лучше не знать, откуда он взялся.

Я шёл без цели. Ноги сами несли меня по улицам. Мимо рынка, где отец ещё закрывал свою точку — я увидел свет в его павильоне и ускорил шаг. Мимо школы, где меня сегодня побили. Мимо ДК, где подторговывали дурью. Мимо церкви.

Церковь была открыта. Маленькая, белая, с облупленной колокольней. Я зашёл.

Внутри было пусто и темно. Только у алтаря горела свеча. Я сел на последнюю скамью и уставился на иконостас. Лики святых смотрели на меня строго. Я не знал, кто они. Не знал молитв, кроме «Отче наш». Не знал, как правильно креститься, куда ставить свечи, что говорить. Я просто сидел и смотрел.

— Ты здесь? — спросил я шёпотом.

Тишина.

— Я знаю, что Ты здесь. Ты говорил со мной.

Тишина.

— Зачем Ты меня остановил? Что мне теперь делать?

Тишина была ответом. Но это была не пустая тишина. Она была полной. Как будто кто-то слушал.

Я просидел в церкви час. Потом встал и пошёл домой.

Отец ждал меня на кухне. Сидел за столом, пил чай. Увидел моё лицо. Ничего не сказал. Молча встал. Молча снял ремень с крючка.

Я разделся по пояс и встал к стене. Руки упёр в холодные обои. Сжал зубы.

Первый удар. Второй. Третий. Я считал про себя. На десятом сбился. Спина горела огнём. Я чувствовал, как лопаётся кожа. Чувствовал, как стекает кровь. Но я не плакал. Не кричал. Не просил.

Отец закончил. Бросил ремень на стол. Сказал:

— Завтра пойдёшь и убьёшь их.

И вышел из кухни.

Я остался стоять у стены. Спина горела. Губа саднила. Рёбра ныли после дневных ударов. Но я улыбался. Я улыбался, потому что знал: Он есть. И если Он есть, то всё не зря. Вся эта боль, весь этот страх, весь этот ад — он не навсегда. Где-то есть выход. Где-то есть смысл. И однажды я его найду.

Мать пришла позже. Увидела мою спину. Заплакала. Стала мазать зелёной. Руки у неё дрожали. Она ничего не говорила — только всхлипывала тихо. Я молча терпел и это.

— Мам, — сказал я, когда она закончила.

— Что, сынок?

— Ты веришь в Бога?

Она замерла. Посмотрела на меня странно. Она была верующей, но никогда не навязывала. Боялась, наверное. Боялась мужа. Боялась свёкра. Боялась вообще всего.

— Верю, — сказала она тихо.

— И я теперь верю.

Она посмотрела на меня ещё страннее. Хотела что-то

спросить. Но не спросила. Просто перекрестила и вышла.

А я лёг на живот, уткнулся лицом в подушку и впервые за много лет заснул спокойно. Мне снился свет. Просто свет. Белый, тёплый, живой. И Голос — но уже не грозный, а тихий. Он ничего не говорил. Он просто был рядом.

На следующий день я не пошёл убивать Крюка. Я вообще не пошёл в школу. Я пошёл в церковь. Потом — на пустырь за ДК, где меня никто не видел. Сел на ржавую трубу, достал из кармана патроны, которые вытащил из обоймы, и закопал их в мёрзлую землю.

Крюка убили через три месяца. Не я. Его зарезали в драке возле вокзала. Я узнал об этом случайно, от пацанов во дворе. Они ждали моей реакции. Думали, я обрадуюсь. А я просто кивнул и пошёл домой.

Смерть Крюка ничего не решила. Отец всё так же требовал крови. Улицы всё так же пахли опасностью. Бесы — а я уже начинал их видеть — всё так же вились над городом, как вороны над свалкой.

Но теперь у меня было кое-что, чего они не могли отнять.

Я знал, что Он есть.

И этого было достаточно.

Глава 4. Команда

К восемнадцати годам я перестал считать шрамы. Они покрывали тело, как карта боевых действий: вот этот — от каскета на стрелке у депо, этот — от осколка бутылки в драке у рынка, этот — от отцовского ремня, самый длинный, через всю спину. Каждый шрам был уроком. Каждый — напоминанием: ты жив, потому что был быстрее, злее или просто удачливее.

Но удача здесь была ни при чём. Я знал это теперь точно.

В тот год я начал видеть бесов. Не всегда, не везде. Сначала — мельком. Как будто боковым зрением замечаешь движение, а когда поворачиваешься — ничего нет. Потом — чаще. Потом — постоянно. Они были повсюду. Серые тени, сгустки тумана, искажения воздуха над головами людей. Они вились над рынком, над отделением милиции, над церковью — но у церкви их было меньше. Они сидели на плечах авторитетов, как ручные вороны. Они шептали что-то в уши чиновникам и проституткам, бизнесменам и бомжам. Без разбора.

Я не знал, что с этим делать. Спрашивать было не у кого. Бабушка умерла двумя годами раньше. Мать я не хотел пу-

гать. Отец — отец бы просто дал ремня и сказал: «Не выдумывай». А Голос с тех пор молчал.

Но я знал: если Он есть, значит, и бесы реальны. И если я их вижу — значит, зачем-то.

Низовск в том году задыхался от смога. Завод работал на полную мощность, и над городом висело жёлтое марево. Люди ходили хмурые, злые. Криминал цвёл, как сорняк после дождя. Бригады делили территорию, стреляли друг в друга, жгли машины, хоронили своих. Мой отец после выхода из тюрьмы держался в тени, но его слово всё ещё имело вес. Меня знали как «сына Мясника». И скоро должны были узнать как нечто другое.

В тот вечер мы собрались в гаражах за старым депо. Это было наше место. Ничейная территория, ржавые боксы, битый кирпич, запах мазута и собачьей мочи. Романтика.

Нас было четверо.

Глеб сидел на перевёрнутом ящике и молча смотрел на огонь. Два метра роста, плечи — как дверной проём. Он держал в одной руке баскетбольный мяч, просто потому что мог. Его ладонь накрывала мяч сверху, как когтистая лапа хищной птицы. Глеба в городе звали Глыбой. Он был моим дво-

юродным братом. Спокойный, как бетонная плита. Но если эта плита падала — костей не собирали.

Рядом с ним, прямо на земле, сидел Данила. Мой родной брат. Ему дали кличку Цербер. Он никогда не говорил. Вообще. С детства. Врачи разводили руками: физически здоров, психологически — закрыт. Но я знал: Данила не закрыт. Он просто устроен иначе. Мир для него — это сигналы. Опасность — реакция. Он понимал всё без слов и действовал быстрее, чем кто-либо. Если Глеб был стеной, то Данила был лезвием. И это лезвие не имело ножен.

Цербера держал в руках только один человек. Драба. Он сидел между Данилой и костром, положив руку брату на плечо. Драба был на год старше нас. Худой, жилистый, с вечной ухмылкой. Он не был силачом, не был бойцом. Но у него был дар — он чувствовал людей. Он мог заговорить кого угодно. Мог успокоить Цербера одним прикосновением. Мог договориться с врагом. Мог, если надо, и обмануть. Но нас он не обманывал никогда.

— Ну чё, Адам, — сказал Драба, подбрасывая в костёр щепку. — Говорят, Косых со своими опять на наш район заходит.

Косых. Ещё одно прозвище. Бригадир с восточной окра-

ины. Его люди уже дважды пересекали нашу границу. Первый раз — предупреждение. Второй — разговор. Третий — война.

— Пусть заходит, — сказал я.

Глеб молча кивнул. Данила посмотрел на меня. Глаза у него были пустые, но не мёртвые. Просто ждущие. Как у собаки, которая знает команду, но ещё не услышала приказ.

Драба убрал руку с плеча Цербера.

— Не сейчас, — сказал я. — Пока не сейчас.

Данила отвёл взгляд.

Мы просидели у костра до темноты. Говорили о делах. О том, что надо бы навестить рынок, потрясти пару точек. О том, что Косых — не главная проблема. О том, что в городе появился кто-то новый. С деньгами. С оружием. С поддержкой сверху.

— Менты? — спросил Драба.

— Хуже, — ответил я. — Военные.

Я не стал объяснять. Но я знал. Знал по бесам, которые в последние дни всё чаще вились над зданием городской администрации. Знал по тому, как дёргался отец. Знал по тому, что фамилия моего второго деда, генерал-лейтенанта, всплыла в разговорах, которых мне не полагалось слышать.

Что-то надвигалось.

— Ладно, — сказал я, вставая. — Завтра работаем. Глеб, ты со мной на рынок. Драба, держи Цербера на коротком поводке. Если Косых опять сунется — звоните.

— А если не сунется? — спросил Драба.

— Тогда сами ходим в гости.

Я развернулся и пошёл к дому. За спиной трещал костёр. Где-то вдалеке выла собака. В небе висело жёлтое марево.

И на плече каждого из нас уже сидел бес. Просто я пока умел их видеть, а остальные — нет.

Глава 5. Первая кровь команды

Косых объявился через три дня. Не сам — прислал гонца. Щуплого паренька с бегающими глазами, который пришёл на рынок и передал, что «хозяин восточной стороны хочет встретиться». Глеб взял гонца за шиворот одной рукой, поднял над землёй и тихо спросил:

— Хозяин? Ты уверен, что это правильное слово?

Паренёк побледнел и закивал, как болванчик. Я кивнул Глебу, и тот опустил его на землю. Гонец убежал, не оборачиваясь.

— Косых хочет переговоры, — сказал Драба, когда мы собрались в гаражах. — Это хорошо или плохо?

— Это странно, — ответил я. — Он дважды нарушал границу. Теперь хочет говорить. Что-то изменилось.

— Может, испугался? — предположил Глеб.

— Косых не пугается. У него за спиной кто-то стоит. Кто-то новый.

Данила молчал. Он сидел на корточках и водил пальцем по земле, рисуя какие-то линии. Я посмотрел на него и вспомнил вчерашний вечер. Мы возвращались с рынка поздно. И на перекрёстке, под фонарём, я увидел беса. Он был крупнее обычных. Он сидел на плече человека, которого я не знал, — высокого, в штатском, но с военной выправкой. Бес шептал ему в ухо, и человек улыбался. Это была страшная улыбка.

— Встречаемся завтра, — сказал я. — На нейтральной территории. У старого элеватора. Берём всех.

— Цербера тоже? — спросил Драба.

— Обязательно. Пусть Косых видит, с кем имеет дело.

Элеватор стоял на окраине города с советских времён. Огромное бетонное здание, чёрное от времени и копоти. Внутри гулял ветер, пахло зерном и крысами. Место было мёртвое — ни людей, ни постов, ни случайных свидетелей. Идеально для разговора. Или для засады.

Мы пришли первыми. Я встал в центре, Глеб — за моим правым плечом, скала скалой. Данила — слева, молчаливый, напряжённый, как сжатая пружина. Драба держал его за рукав, но не сильно — просто напоминал о себе.

Косых приехал на двух машинах. Вышел первым — коренастый, лысый, с золотой цепью поверх чёрной водолазки. За ним — четверо бойцов. Ещё двое остались в машинах. Я заметил, как один из них держит руку под курткой.

— Здорово, Тёмный, — сказал Косых. Голос у него был хриплый, прокуренный. — Слышал, ты тут за главного теперь.

— Слышал, ты заходил на наш район, — ответил я. — Дважды.

— Ну, зашёл. Посмотрел. Территория-то не твоя, а твоего отца. А он, говорят, отошёл от дел.

Глеб сделал шаг вперёд. Земля под ним чуть дрогнула. Косых посмотрел на него и усмехнулся:

— Это кто? Шкаф?

— Это аргумент, — сказал я. — Говори, зачем звал.

Косых сплюнул на бетонный пол. Вытер губы рукавом. Бес на его плече — я видел его отчётливо, серую тень с длинными пальцами — зашевелился и что-то зашептал ему в ухо.

Косых поморщился, как от головной боли.

— Короче, Тёмный. Есть предложение. Сверху пришёл человек. Серьёзный. Говорит, надо объединиться. Весь город под одну гребёнку. Ты, я, ещё пара бригад. И работаем вместе. Делим базар, делим потоки. Без войны.

— А если я откажусь?

Косых улыбнулся. Бес на его плече оскалился.

— Тогда тебя уберут. Вместе с твоим шкафом и этим молчаливым психом.

Цербер дёрнулся. Драба сжал его рукав.

— Кто этот человек? — спросил я. — Сверху?

— Не знаю. С ним военные какие-то. Говорят, из Москвы. Или не из Москвы. Но у него всё схвачено. Он даже твоего отца знает. Говорил, пересекались.

У меня внутри похолодело. Военные. Из Москвы. Знает отца. Бесы над администрацией. Дед-генерал.

— Передай своему человеку, — сказал я, — что я поду-

маю.

— Думай быстрее, Тёмный. Он ждать не любит.

Косых развернулся и пошёл к машинам. Его люди последовали за ним. Один из них, тот что держал руку под курткой, обернулся и посмотрел на меня. Я увидел его глаза — пустые, стеклянные. И беса. Бес сидел у него не на плече, а внутри, за грудиной, как второе сердце. Я такое видел впервые.

Машины уехали. Пыль осела на бетон.

— Ну чё? — спросил Драба. — Будем думать?

— Будем, — сказал я. — Только сначала я кое-что сделаю.

Вечером я пошёл к церкви. Не той, что в центре — маленькой, старой, на отшибе. Здесь меня никто не знал. Я сел на холодную скамью, посмотрел на иконы.

— Ты сказал, что дважды меня остановил, — прошептал я. — Значит, у Тебя был план. Какой?

Тишина.

Я закрыл глаза. И тогда — не голос, нет. Видение. Яркое, как вспышка. Я увидел поле. Выжженную землю. И четыре фигуры, стоящие плечом к плечу. Одна — огромная, как скала. Вторая — маленькая, дрожащая, но не отступающая. Третья — молчаливая, с пустыми глазами, полными огня. Четвёртая — с рукой на плече третьей.

И я понял.

План был не у Него. План был у нас. И мы его ещё не знали.

Я открыл глаза. Вышел из церкви. Набрал Драбу.

— Завтра едем к Косых. Сами.

— Это война?

— Это первый шаг.

— Цербера брат?

— Обязательно. Он нам понадобится.

Я положил трубку и посмотрел на небо. Бесов над городом стало больше. Они сгущались, как тучи перед грозой. Где-то

там, в кабинетах, решалась моя судьба. Где-то там человек из Москвы уже подписывал приговор.

Но у меня была команда. И у меня был Голос.

И этого было достаточно.

Глава 6. Наследство

Ночь после встречи с Косых я не спал.

Лежал в своей комнате, смотрел в потолок и прокручивал в голове его слова. «Человек сверху. Серьёзный. С ним военные. Он даже твоего отца знает». И бес внутри того бойца — не на плече, а в груди, как второе сердце. Я такое видел впервые. Это пугало больше, чем сам Косых.

Я встал, подошёл к окну. Низовск спал. Жёлтые фонари качались на ветру. Где-то лаяла собака. И бесы — я видел их даже сейчас — вились над крышами, как стервятники. Они ждали.

И тогда память ударила меня.

Мне пять лет. Или шесть. Я уже не помню точно. Мы играем у подъезда с сыном крёстного. Обычный день. Обычный двор. У меня в руках пластмассовый пистолет, у него — машинка. Мы спорим, кто круче. Детям неважно, что их отцы управляют городом. Детям важно, чья машинка быстрее.

Подъезжает машина. BMW. Чёрная, блестящая. Из неё выходит он — крёстный. Высокий, в длинном пальто. Он

всегда носил длинные пальто, даже летом. Говорили, что под пальто у него пистолет. Говорили, что он никогда не расстанется с оружием. Я не знал. Я просто видел дядю, который иногда приезжал к отцу. От него пахло одеколоном и сигаретами. Он всегда привозил мне конфеты.

Он выходит из машины. Охрана — двое — уже открывают дверь подъезда. И тут подъезжает мотоциклист.

Я запомнил его шлем. Чёрный, с тёмным визором. Он слезает с мотоцикла. Подходит к нам. Аккуратно, почти нежно отодвигает нас в сторону.

— Отойдите, пацаны. Подальше.

Голос спокойный. Даже добрый. Мы отходим. Нам не страшно. Нам просто любопытно.

Мотоциклист достаёт оружие. Теперь я знаю, что это был Uzi. Тогда я просто видел что-то чёрное, непохожее на пистолет. Он поднимает его. Крёстный оборачивается. Он не успевает ничего сделать.

Выстрелы. Очередь. Звук такой, будто рвут ткань. Очень громко. Очень близко. Крёстный падает. Кровь на асфальте. Охрана кричит. Мотоциклист уже уезжает.

Я стою и смотрю. Я не плачу. Я не кричу. Я просто смотрю, как дядя лежит на земле, и пальто его становится красным. Сын крёстного, мой друг, хватает меня за руку. Он что-то кричит, но я не слышу. В ушах звенит.

Я не понял тогда, что такое смерть. Я просто понял: этот человек больше не встанет. Никогда.

Потом были похороны. Много людей в чёрном. Отец стоял с каменным лицом. Он не плакал — он никогда не плакал. Но вечером, когда все разошлись, я слышал, как он разбил кулаком зеркало в ванной. Мать зашивала ему руку. Он молчал.

А через пять лет убили деда.

Мне десять. Я уже всё понимаю. Я знаю, что дед — главный. Что его боятся. Что его уважают. Что у него бронированный Mercedes, который все называют «Кабан». Что он ездит с охраной на двух Mitsubishi. Что его нельзя убить.

Но его убивают.

Он выезжает из города. Кортёж из трёх машин. Впереди — джип с охраной. Сзади — второй. Посередине —

«Кабан». Тяжёлый, чёрный, непробиваемый. Дедушка сидит сзади. Рядом — водитель и телохранитель.

На пустыре за городом их ждут. Гранатомёт. Выстрел. Первая машина взлетает на воздух. Вторая — следом. Охрана мертва. «Кабан» остаётся один. Водитель пытается развернуться, но поздно. Машина подрывается на mine. Взрыв. Броня выдерживает, но двери клинит. Дедушка жив. Он пытается выбраться. Не может.

И тогда они подходят. Я не знаю, сколько их было. Пятеро? Десятеро? Они обливают машину напалмом. И поджигают.

Дедушка сгорел заживо. В своей непробиваемой крепости. В своём «Кабане». Который стал ему гробом.

Мне рассказали это не сразу. Сказали: «Дедушка уехал на Север. По работе». Но я знал. Я слышал, как отец говорил с матерью ночью. Я слышал слово «напалм». Я слышал, как мать плакала. Я всё понимал.

Теперь, лёжа в кровати и глядя в потолок, я соединил точки. Крёстный. Дед. Оба убиты не просто бандитами. Это была спецоперация. Военная точность. Военная жестокость. И «человек сверху», о котором говорил Косых — он из тех же.

Те же люди, которые сожгли моего деда. Те же люди, которые расстреляли крёстного у меня на глазах.

Они вернулись.

И теперь они хотят, чтобы я работал на них. Или меня уберут. Как убрали деда. Как убрали крёстного.

Я сел на кровати. В комнате было темно. За окном — всё те же жёлтые фонари. Всё те же бесы. Но теперь я знал: это не просто тени. Это армия. И она наступает.

Мне было восемнадцать. У меня была команда — Глеб, Данила, Драба. У меня был дар, который я не понимал. У меня был Голос, который спас меня однажды. И у меня был страх. Не тот, что раньше — перед отцом. А новый. Страх потерять всё, что осталось.

Я встал. Подошёл к иконе, которую оставила бабушка. Старая, тёмная, с ликом Спасителя. Я перекрестился.

— Если Ты меня слышишь, — прошептал я, — дай мне сил. Я не знаю, что делать. Но я знаю, что они идут. И я должен их остановить.

Тишина. Но я уже знал: Он слышит. Он всегда слышит.

Просто отвечает не сразу.

Я лёг обратно. Закрыв глаза. И уснул без снов.

На следующий день я познакомился со Стеллой.

Глава 7. Стелла

Её магазин назывался «Эдем». Я запомнил это название, потому что оно звучало как насмешка. Эдем — райский сад. А Низовск был всем, чем угодно, но только не раем. Магазин стоял на перекрёстке двух улиц, рядом с автобусной остановкой. Торговал женской одеждой — платья, юбки, что-то там ещё, я не разбирался. Мне было всё равно, чем она торгует. Мне нужно было зайти, представиться, назначить цену и уйти.

Так я делал всегда.

В Низовске было правило: каждый коммерсант платит. Не налоги — налоги платили дураки. Платили нам. За крышу. За защиту. За то, чтобы магазин не сгорел, товар не растащили, а хозяин не уехал в лес и не вернулся в багажнике. Этим занимался отец. Потом — отец и дед. Теперь — я. Мне было восемнадцать, но район уже знал: Тёмный-младший — это серьёзно. Отмороженный. Сын Мясника. Внук того самого.

Я зашёл в «Эдем» в три часа дня. Колокольчик над дверью звякнул. Внутри пахло духами и тканью. На вешалках висели платья — яркие, шёлковые, совсем не такие, какие носили в Низовске. Это была одежда для другой жизни. Для города,

где нет бесов, нет гаражей, нет ремня на крючке у двери.

— Вы кто?

Она вышла из подсобки. И я замер.

Высокая. Выше меня на полголовы. Тёмные волосы собраны в узел, но одна прядь выбилась и спадала на скулу. Глаза — карие, почти чёрные, с золотыми искрами. Губы — без помады, но яркие, как будто она их только что кусала. Платье — чёрное, обтягивающее, с вырезом, который говорил больше, чем любые слова.

Ей было за тридцать. Много за тридцать. Но выглядела она так, как не выглядят молодые. Молодые ещё не знают, кто они. А эта знала.

— Я Адам, — сказал я. — Сын Мясника. Ты знаешь, кто это.

Она не вздрогнула. Не побледнела. Не засуетилась. Просто прислонилась плечом к дверному косяку и скрестила руки на груди.

— Знаю, — сказала она. — И что?

— Ты платишь нам. За крышу. Две тысячи в месяц. Начинаем со следующей недели.

Она улыбнулась. Не испуганно. Не заискивающе. А так, как улыбаются взрослые женщины, когда видят мальчика, который пытается казаться мужчиной.

— Две тысячи? — переспросила она. — А не много ли для мальчика, который ещё вчера в школу ходил?

Я почувствовал, как внутри закипает гнев. Я привык к страху. Я привык, что люди бледнеют, отводят глаза, начинают заикаться. Я не привык к насмешке.

— Ты не поняла, — сказал я и сделал шаг вперёд. — Это не просьба. Это условие. Если не платишь — магазин сгорит. Или ты уедешь. Или ещё что-нибудь. Я не обсуждаю. Я говорю, как будет.

Она оттолкнулась от косяка. Медленно, плавно, как кошка. Подошла ко мне. Ближе. Ещё ближе. Я чувствовал запах её духов — что-то горькое, древесное, с ноткой цитруса. Она остановилась в сантиметре от меня. Подняла руку. Уперлась указательным пальцем мне в грудь. И толкнула.

Я отступил на шаг. Она — ещё шаг. И ещё. Пока моя спи-

на не упёрлась в стену.

Я мог бы её оттолкнуть. Мог бы схватить за руку. Мог бы сделать что угодно. Но я стоял, прижатый к стене, как пацан, которого застукали за курением.

— Ты думаешь, я тебя боюсь? — сказала она тихо. Голос у неё был низкий, грудной, с хрипотцой. — Ни капли.

Она приблизилась. Её губы почти коснулись моих. Я чувствовал её дыхание. Я не мог пошевелиться.

— А если я откажусь платить, — прошептала она, — что ты мне сделаешь? Накажешь меня?

Пауза. Она смотрела мне в глаза. Я смотрел в её. Мир сузился до этой точки. До её зрачков с золотыми искрами. До её губ в миллиметре от моих.

— Я люблю, когда меня грубо наказывают, — сказала она.

И отошла. Просто развернулась, отошла к прилавку и начала поправлять какие-то бумажки, как будто ничего не случилось.

— Две тысячи, — сказала она обычным голосом. — Я по-

думаю. А теперь иди, Адам. У меня работа.

Я вышел из магазина на ватных ногах. Остановился у машины. Закурил, хотя обычно не курил. Руки дрожали.

Что это было? Она меня не боялась. Она меня переиграла. Она поставила меня к стенке в прямом и переносном смысле. Я, Отмороженный, сын Мясника, внук главы группировки, стоял как школьник перед взрослой женщиной и не мог вымолвить ни слова.

Я должен был разозлиться. Должен был вернуться и показать ей, кто тут главный. Должен был хотя бы не думать о ней.

Но я думал.

Я думал о ней весь день. Весь вечер. Всю ночь. Я не мог выбросить из головы её глаза. Её голос. Её палец, упёртый мне в грудь. «Я люблю, когда меня грубо наказывают».

Через три дня я приехал снова. Без предупреждения. Без охраны. Без Глеба, без Данилы, без Драбы. Один.

— Я знала, что ты вернёшься, — сказала она.

И это было правдой. Она знала.

С этого всё началось.

Через неделю я забыл о деньгах. Через две — о крыше. Через месяц я приезжал к ней не как рэкетир, а как мужчина к женщине. Она была старше, опытнее, умнее. Она учила меня тому, чего я не знал. Не только в постели — хотя и в постели тоже. Она учила меня говорить. Слушать. Чувствовать.

До неё я думал, что любовь — это слабость. Отец говорил: «Бабы — это для здоровья. Любовь — это для дураков». Я верил. Я жил так. Но Стелла сломала эту стену так же легко, как прижала меня к стене в первую встречу.

В тот вечер, о котором я хочу рассказать, мы были у неё. Она жила над магазином, в маленькой квартире с низкими потолками и старыми фотографиями на стенах. Мы ужинали при свечах. Она смеялась моим шуткам. Я целовал её руки. Это было самое счастливое свидание в моей жизни.

Я уехал поздно. Ехал по ночному Низовску, и мир казался другим. Бесов над городом было меньше. Или мне просто казалось. Я был влюблён. Впервые по-настоящему. Не как пацан, который хочет затащить девчонку в койку. А как че-

ловек, который нашёл кого-то, ради кого стоит жить.

Дома я, как всегда, сел на кровать. Сложил руки. Начал читать «Отче наш». Эту молитву я знал с детства. Она была моим щитом. Моим якорем. Моим разговором с Тем, кто говорил тысячью голосов.

«Отче наш, иже еси на небесех...»

Телефон пиликнул. СМС.

Я хотел продолжить молитву. Но подумал: «Ничего страшного. Прочитаю, отвечу, дочитаю потом».

Это была она. Стелла. «Спокойной ночи, мой маленький бандит. Сладких снов».

Я улыбнулся. Хотел набрать ответ. И тут мир исчез.

Я был уже не в комнате. Я сидел в своей машине. В «девяносто девятой», которая стояла под окнами. Я сидел на водительском сиденье, и в руках у меня был не телефон, а сложенные для молитвы ладони. Всё было реально. Слишком реально. Я чувствовал холод кожи на руле. Запах освежителя. Шершавую обивку сиденья.

И рядом, на пассажирском сиденье, сидела она. Женщина в чёрном капюшоне.

Я не видел её лица. Только тьму под капюшоном. Только её руки, сложенные на коленях, — бледные, тонкие, с длинными пальцами. От неё веяло холодом. Не уличным, ноябрьским — другим. Так пахнет смерть. Так пахнет пустота. Так пахнет то, чего не должно быть в мире живых.

— Читай, — сказала она ехидным голосом. — Давай, читай молитву среди своих.

Я открыл рот. Слова молитвы сами полились с губ. «Отче наш, иже еси на небесех...»

— Да святится имя Твое... — прошептал я.

Она молчала. Но как только я произнёс первые слова, она закричала. Это был не человеческий крик. Так кричат баньши в старых легендах. Так кричит ветер в печной трубе. Так кричит боль, которой нет названия. Крик ввинчивался в уши, в грудь, в самое сердце. Мне казалось, что внутренности начинают лопаться. Что кровь закипает. Что кости трескаются. Я никогда не чувствовал такой боли. Никогда. Даже когда отец порол меня до мяса. Даже когда били в драках. Это была боль изнутри. Как будто кто-то рвал меня на части.

— Да приидет Царствие Твое... — продолжал я.

Она кричала громче. Каждое слово молитвы было для неё как удар. Как огонь. Как раскалённое железо. Но мне самому было всё хуже. Я чувствовал, что умираю. Что ещё секунда — и моё сердце разорвётся. Что мои лёгкие лопнут. Что я не выдержу. Я хотел остановиться. Хотел замолчать. Хотел просто закричать в ответ, чтобы заглушить эту боль.

И тогда я увидел Его.

Он стоял позади меня. Не в машине — вне её. Но я чувствовал Его присутствие так же ясно, как чувствовал холод от женщины в капюшоне. Я не мог обернуться. Не мог увидеть лица. Но я знал: это Он. Тот, кого я видел на бабушкиной иконе. Тот, кто говорил со мной тысячью голосов, когда мне было четырнадцать.

Он положил руку мне на плечо. Правую руку на левое плечо.

И в тот же миг боль исчезла.

Просто исчезла. Как будто её никогда не было. Как будто кто-то выключил звук. Женщина ещё кричала, но её крик

стал далёким, тусклым, почти неслышным. Эхо. Тень звука. Комар за оконным стеклом.

— Читай, — сказал Он. — Не останавливайся.

Голос Его был тихим, но он перекрывал всё. Он звучал не в ушах, а внутри. В груди. В сердце. Он звучал как тысяча голосов в одном — и одновременно как один-единственный. Голос, который я уже слышал.

Я продолжил.

— Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...

Женщина в капюшоне ещё пыталась кричать. Но теперь это было жалкое зрелище. Она сжималась, уменьшалась, как тень при свете. Её голос становился всё тише и тише, пока не превратился в едва слышный писк. А потом исчез совсем.

— Хлеб наш насущный даждь нам днесь...

Я чувствовал Его руку на своём плече. Тёплую. Тяжёлую. Настоящую. От неё шла сила. Не та сила, которую я знал раньше — сила кулаков, сила оружия, сила страха. Другая. Сила, которая не ломает, а держит. Сила, которая не уничтожает, а спасает.

— И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим...

Я впервые в жизни почувствовал, что Бог меня охраняет. Не где-то там, на небе, в золотом дворце среди ангелов. Здесь. Сейчас. В моей старой «девяносто девятой». С рукой на моём плече.

— И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого...

Я закончил молитву. Открыл глаза. Я был в своей комнате. На кровати. Телефон лежал рядом. На экране — неотправленный ответ Стелле.

Никакой женщины. Никакого Иисуса. Никакой машины. Только комната, ночь и тишина.

Но я знал: это было реально. Реальнее, чем всё, что я видел раньше. Реальнее, чем рынок. Реальнее, чем драки. Реальнее, чем Низовск.

Я встал. Подошёл к иконе. Зажёг свечу.

— Спасибо, — сказал я вслух. — Спасибо, что держишь

меня.

И впервые за много лет я заплакал. Не от боли. Не от страха. От благодарности.

Глава 8. Выбор

Они стояли в гараже — все трое. Глеб, огромный, как скала, скрестил руки на груди. Данила сидел на корточках и чертил что-то пальцем на бетонном полу. Драба стоял у верстака и крутил в руках старую гайку. Я только что рассказал им о союзе с Косых. О том, что теперь мы работаем с теми, кто убил моего деда. О том, что за ними стоят военные. О том, что выбора нет.

Тишина длилась секунд десять. Потом Драба бросил гайку на верстак. Она звякнула и покатилась, упала на пол. Цербер проводил её взглядом.

— Ну и на хрена, — сказал Драба, глядя мне прямо в глаза, — ты нас в это дерьмо затащил?

Я молчал. Я знал, что они имеют право злиться. Я только что продал нашу независимость. Нашу гордость. Нашу свободу. Продал тем, кто сжёг деда и расстрелял крёстного. Я продал нас, и я знал это. Но другого выхода не было.

— В хорошую ты нас звиздюгу загнал, брат, — сказал Глеб.

Он редко говорил. Ещё реже — ругался. Но сейчас он смотрел на меня и ждал. Не ответа — он уже всё понял. Он ждал, чтобы я знал, что он понял.

Данила поднялся с корточек. Подошёл ко мне. Посмотрел — пустыми, как всегда, глазами, в которых горел огонь. Он не говорил ничего — он никогда не говорил. Но он положил руку мне на плечо. Так же, как тогда — в видении — Христос. Только теперь это была рука брата.

— Мы с тобой, братик, — сказал Драба. — До самого конца. Если надо лечь — ляжем вместе.

Глеб кивнул. Данила сжал плечо сильнее.

И я понял: это и есть титановая стена. Не оружие. Не деньги. Не связи. А эти трое. Которые ни разу меня не оставили. Кроме одного раза.

Мне было тринадцать или четырнадцать. Я возвращался из школы один — Глеб и Драба убежали куда-то, кажется, на футбол. Данила оставался дома, у него была температура. Я шёл через дворы, и на пустыре меня ждали трое. Одиннадцатиклассники. Я пытался драться, но их было трое. Они разбили мне губу, поставили фингал и ушли, смеясь.

Я пришёл домой. Отец, увидев меня, молча взял ремень. Он не спросил, сколько их было. Не спросил, где была охрана. Он просто выпорол меня за то, что я проиграл.

На следующий день Глеб и Драба узнали. И с тех пор они не оставляли меня одного. Ни на минуту.

— Слышь, ты, человек-беда, — сказал тогда Драба, — останешься без нас — погибнешь. Как ты без нас вообще?

И я не погиб. Они не дали. Они были рядом в каждой драке, на каждой стрелке, в каждом разговоре. Глеб — стена, о которую разбивались враги. Данила — клинок, который никогда не тупился. Драба — голос, который договаривался, когда я уже не мог.

И сейчас, в гараже, после того как я продал нас военным, они сказали: «Мы с тобой». Просто так. Без условий. Без обид. Потому что они верили в меня. Потому что они знали: я не предаю. Потому что мы были больше, чем бригада. Мы были семьёй.

— —

Я вернулся домой поздно. Стелла ждала меня. Я рассказал ей всё. Она выслушала молча. Потом взяла моё лицо в

ладони и сказала:

— Ты сделал то, что должен был. Ты выбрал людей, а не гордость. Это правильный выбор. Даже если он самый трудный.

Я поцеловал её руки. И впервые за много дней уснул спокойно.

На следующий день я позвонил Косых и сказал: «Мы согласны».

А ещё через день в город вошли войска.

Глава 9. Имя

После сделки с Косых всё изменилось.

Город наполнился военными. Они не носили форму, но выправка выдавала их за версту. Они ходили по рынку, заглядывали в магазины, сидели в кафе и смотрели. Просто смотрели. И от этих взглядов людям становилось неуютно. Низовск всегда был вольным городом — бандитским, грязным, опасным, но вольным. Теперь он стал похож на оккупированную территорию.

Косых держал слово. Мы работали вместе. Я получал свою долю, расширял бизнес, убирал конкурентов — тех самых, которых «зачищали» военные. Всё шло так, как обещал дед-генерал. Только легче не становилось. Бесов в городе стало больше. Они вились над улицами, как тучи комаров. Они сидели на плечах военных, на головах чиновников, на руках у моих собственных людей. Я видел их каждый день и ничего не мог сделать.

А потом случилась та ночь.

Я приехал в родительский дом. Давно там не был — всё дела, всё разъезды. Мать обрдовалась, накрыла на стол.

Отец был, как всегда, молчалив. Мы поужинали, я поднялся в свою старую комнату. Там ничего не изменилось: та же кровать, тот же шкаф, та же икона в углу. Я лёг спать.

Проснулся ровно в три часа ночи.

Ни будильника. Ни шума. Просто открыл глаза, и сердце колотилось как бешеное. В комнате было темно, только лунный свет падал из окна. Я сел на кровати. Огляделся. Всё вроде нормально. Шкаф, стол, икона.

Но что-то было не так.

Я чувствовал их. Не видел — именно чувствовал. В воздухе висел запах. Палёная проводка. Мокрый пепел. И тихий шёпот — не слова, а как будто ветер шелестит сухой листвою. Только ветра не было. Окно было закрыто.

Я повернул голову. На потолке, в углу, сидела серая тень. Одна. Вторая. Третья. Я перевёл взгляд на стену — ещё одна. На полу, у двери — две. На подоконнике — ещё одна. Они были повсюду. Десятки. Сотни. Они покрывали стены, как плесень. Они висели на потолке, как летучие мыши. Они ползли по полу, медленно, неотвратно, приближаясь ко мне.

Я никогда не видел столько бесов сразу. Они были разные: одни — маленькие, как крысы, другие — огромные, бесформенные, как клубы чёрного дыма. У некоторых были лица — искажённые, злобные, с пустыми глазами. У других — только пасти. И все они смотрели на меня.

Я вскочил с кровати. Страх сковал тело. Тот самый страх, который я не чувствовал в драках. Не страх перед отцом. Не страх перед смертью. Первобытный ужас. Ужас перед тем, что не должно существовать, но существует. Ужас перед тьмой, которая смотрит на тебя и знает твоё имя.

Я открыл рот, чтобы закричать, но голос пропал. Бесы приближались. Они больше не крались — они ползли, летели, текли ко мне со всех сторон. Их шёпот стал громче. Я начал разбирать слова:

— Ты наш. Ты всегда был наш. Ты думал, ты с Ним, а ты наш. Посмотри на свою жизнь. Посмотри, что ты сделал. Ты убивал. Ты ломал. Ты брал чужое. Ты наш, Адам. Наш.

И тогда я вспомнил.

Я вспомнил бабушку. Её голос. Её слова. «Имя Иисуса Христа — это ключ ко всем дверям. Имя Иисуса Христа — это оружие». Я не понимал тогда, о чём она. Я думал, это

просто красивые слова. Теперь я понял.

Я набрал воздуха в лёгкие. И закричал.

— Иисус!

Бесы замерли.

— Иисус Христос!

Они дрогнули. Словно от удара. Словно воздух стал твёрдым.

— Я отправляю вас туда, откуда вы пришли! Именем Иисуса Христа! Вон от меня! Именем Иисуса Христа!

И я начал провозглашать Его имя. Громко. В голос. Не как молитву — как приказ. Как оружие.

— Иисус! Иисус! Иисус Христос!

Я увидел, как они начали пугаться. Бесы, которые только что ползли ко мне, как победители, теперь бежали. Они бежали, как напуганные собаки. Они рассыпались, растворялись, исчезали в стенах, в окнах, в дверях. Их шёпот превратился в визг. Их сила — в ничто.

И я почувствовал себя сильным. Не своей силой — не той, что давал страх перед отцом. Не той, что давала ярость в драке. Другой силой. Силой, которая входила в меня с каждым произнесённым словом. Силой, которая не ломала, а наполняла. Силой, которая шла не из меня, а через меня.

Я стоял в центре комнаты и кричал имя Христа до тех пор, пока последний бес не исчез. Потом упал на колени. Дышал тяжело, как после долгой драки. В комнате было тихо. Лунный свет всё так же падал из окна. На стенах — ничего. На полу — ничего. Только я. И икона в углу.

Я посмотрел на неё. На лик Спасителя. И понял: то, что бабушка говорила — правда. Имя Его — оружие. И теперь я умею им пользоваться.

Я не спал до утра. Сидел на кровати и прокручивал в голове каждую секунду. Я видел, как они бежали. Я чувствовал, как сила входила в меня. Я знал теперь: мой дар — это не проклятие. Это призвание. Я вижу бесов не для того, чтобы бояться их. Я вижу их, чтобы изгонять.

Утром я спустился на кухню. Мать готовила завтрак. Отец читал газету. Они не знали, что произошло ночью. Они не знали, что их сын только что выиграл первую битву в войне,

о которой они даже не подозревали.

Я сел за стол. Налил чай. Посмотрел на отца. На его плече сидел бес — маленький, серый, сморщенный. Бес пьянства. Бес жестокости. Бес, который мучил его годами.

Я молча посмотрел на беса. И про себя произнёс: «Именем Иисуса Христа. Вон».

Бес задрожал. Заскулил, как побитая собака. И исчез.

Отец поднял глаза от газеты. Посмотрел на меня странно, как будто впервые увидел. Ничего не сказал. Но в его взгляде что-то изменилось. Что-то, чего я никогда раньше не видел.

Может быть, это было уважение.

Глава 10. Тихие дни

После той ночи в родительском доме я изменился.

Внешне — ничего не поменялось. Та же одежда, та же машина, те же гаражи, те же братья. Я всё так же решал вопросы, собирал деньги, держал район. Но внутри что-то переключилось. Как будто в тёмной комнате, где я жил всю жизнь, вдруг зажгли свет. Не яркий, не слепящий — ровный, тёплый, живой.

Я начал видеть всё иначе. Бесы, которые раньше казались всесильными, теперь выглядели жалко. Они всё так же висели над городом, сидели на плечах людей, шептали в уши. Но теперь я знал: у меня есть оружие. Имя. Просто имя. И от него они бегут, как крысы от огня.

Но я никому не говорил.

Даже братьям. Даже Стелле. Не потому что не доверял. А потому что сам не понимал, что со мной происходит. Я не был священником. Не был монахом. Не был праведником. Я был бандитом. Сыном Мясника. Внуком авторитета. Человеком, который убивал и будет убивать. Как мне объяснить другим то, чего я сам не мог объяснить себе?

Я пробовал разобраться. По ночам, когда все спали, я открывал Библию — ту самую, бабушкину, с пожелтевшими страницами и запахом ладана. Читал Псалмы. Читал Евангелие. Многое не понимал, но некоторые слова впечатывались в сердце, как раскалённое железо. «Именем Моим будут изгонять бесов». Это было про меня. Про нас. Про всех, кто верит.

Днём я был Отмороженным. Ночью — учеником.

Команда заметила перемены. Глеб пару раз ловил меня с Библией в руках, но ничего не говорил — только хмыкал. Данила, который вообще редко на что-то реагировал, однажды сел рядом и просто смотрел, как я читаю. Он не умел читать. Но он слушал. Драба как-то спросил в лоб:

— Адам, ты чё, в Бога ударился?

— А ты?

— Я? — Драба усмехнулся. — Я верю в тебя. И в этих двоих. Остальное — не моё дело.

Он хлопнул меня по плечу и пошёл к Церберу, который опять разбирал и собирал нож — единственное занятие, ко-

торое его успокаивало.

Я держал дар в тайне. Но он всё равно просачивался наружу. Я больше не боялся. Тот страх, который гнал меня в драки, который заставлял лезть на рожон, который дал мне прозвище Отмороженный — он ушёл. Его место заняло что-то другое. Спокойная уверенность. Я знал: что бы ни случилось, Он рядом. Тот, кто говорил тысячью голосов. Тот, чьё имя разгоняло бесов. Тот, кто положил руку мне на плечо в видении.

Именно в эти дни на наш район зашли кавказцы.

Сначала — тихо. Появилась пара точек на окраине. Потом — больше. Они торговали наркотой. Дурью. Смертью в пакетиках. Мой дед, когда был жив, категорически не принимал наркотики. Он гнал наркоторговцев из города, как бешеных собак. «Наркота — это гниль, — говорил он. — Гниль жрёт изнутри. Сначала человека, потом семью, потом город. Кто торгует смертью — сам смерть». Я вырос на этих словах. И я не собирался их забывать.

Мы забили стрелу. Я позвонил их старшему — его звали Руслан, он держал диаспору в соседнем регионе. Говорили, у него связи в Москве, говорили, у него деньги, говорили, он опасен.

— Слушай, Руслан, — сказал я в трубку. — У нас в городе наркоты не будет. Это не обсуждается. Если хочешь работать — работай чем-то другим. Но дури здесь не будет.

Он помолчал. Потом сказал:

— Давай встретимся. Поговорим. Решим.

— Давай.

— Где?

— Старое село за городом. Там пустырь. Никого нет.

— Добро. Завтра в восемь.

Я положил трубку. Повернулся к братьям.

— Завтра стрела. Еду я и Глеб.

— Почему только двое? — нахмурился Драба. — Мы все поедем.

— Нет. Это просто разговор. У нас другая задача — съездите к Северным, решите вопрос с точками на рынке. Там

стандарт. Справитесь.

Драба помолчал. Посмотрел на меня долгим взглядом. Он чувял подвох. Он всегда чувял. Но он доверял мне.

— Ладно, — сказал он. — Но если что — сразу звони.

— Конечно.

На следующий день мы с Глебом сели в мой Ford Focus RS. Чёрный, раллийная версия, пятьсот лошадей под капотом. Я любил эту машину. Она была быстрой, злой и надёжной. В бардачке лежали два пистолета — просто на всякий случай. Обычное дело.

Мы выехали за город. Дорога шла через поля — серые, унылые, ноябрьские. Глеб молчал. Он всегда молчал перед серьёзными встречами. Я тоже молчал. Внутри было спокойно. Даже слишком. Как будто кто-то невидимый сидел на заднем сиденье и говорил: «Не бойся. Я с тобой».

Я тогда ещё не знал, что это не просто чувство.

Старое село было мёртвым. Покинутые дома, заросшие огороды, ржавый остов комбайна посреди поля. Единственное укрытие — старый ЗИЛ, который стоял на краю пустыря

уже лет двадцать. Проржавевший насквозь, но всё ещё крепкий. Что-то внутри меня сказало: «Паркуйся за ним». Я не спорил. Заглушил двигатель за грузовиком. Мы вышли.

И в этот момент началась стрельба.

Они ждали нас. Восемь стволов. Автоматы. Мы даже не успели дойти до места встречи. Пули застучали по ЗИЛу, как барабанная дробь. Мы нырнули обратно, за грузовик. Я выхватил пистолет. Глеб — тоже. Я выглянул на секунду — Ford был пробит в десяти местах. Масло вытекало на землю.

— Вот же суки, — прорычал Глеб. — Подстава.

Я ничего не ответил. Я смотрел на Ford, на масло, на пули, которые ложились всё ближе. И внутри, глубоко, начала подниматься паника. Не за себя — за Глеба. Я привёл его сюда. Я оставил команду в городе. Я думал, это просто разговор. А это была бойня.

Мы отстреливались, пока могли. Но патроны таяли быстро. Я выпустил последнюю обойму. У Глеба — то же самое. Мы остались с пустыми пистолетами против восьми автоматов. За старым ЗИЛом. В чистом поле.

И тогда я сделал то, чему научился. Я закрыл глаза. И ска-

зал:

— Иисус. Если Ты слышишь. Спаси.

Глава 11. Спартанцы

— Иисус. Если Ты слышишь. Спаси.

Я произнёс это шёпотом, но каждое слово прозвучало внутри громче выстрелов.

Глеб лежал за задним колесом ЗИЛа. Я — за передним. Три метра между нами. Три метра, которые простреливались насквозь. Пули били по грузовику, как молотки по жести. Ещё немного — и они пробьют его насквозь.

Я выбросил пустую обойму. Пистолет стал бесполезным куском металла.

— Глеб! — крикнул я. — У меня всё!

Он не ответил. Я посмотрел на него. Он лежал, прижавшись к земле, и смотрел на меня. Его лицо было спокойным. Слишком спокойным для человека, который через минуту умрёт.

— Держи, братик.

Он швырнул мне свой пистолет. Тот пролетел под днищем

ЗИЛа и упал рядом с моей рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.